

ДЕТЕКТИВ ИЗ ЗАЛА СУДА

СТИВ КАВАНА

СДЕЛКА

Москва
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К12

Steve Cavanagh

THE PLEA

Copyright © Steve Cavanagh 2015

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Кавана, Стив.

К12 Сделка / Стив Кавана ; [пер. с англ. А. Лисочкина]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Детектив из зала суда).

ISBN 978-5-04-101261-8

«Кавана реально крут. Уж вы мне поверьте».

— *Ли Чайлд*

Стив Кавана — не только блестящий адвокат, но и выдающийся писатель. Он — новая звезда мирового детектива и триллера. Его романы характеризуются сумасшедшей динамикой — и вместе с тем четкой, выверенной адвокатской логикой. Эти книги читаются буквально на одном дыхании. Которое часто перехватывает — то от ужаса, то от восторга...

Перед адвокатом Эдди Флинном встал суровый выбор. Ему сделали предложение, от которого трудно отказаться.

ФБР давно копало под одну серьезную юридическую фирму — а на самом деле «прачечную», отмывавшую огромные суммы криминальных денег. Одного из ее крупных клиентов подвели под дело об убийстве. Теперь Бюро хочет убедить его пойти на сделку — выдать полный компромат на фирму в обмен на смягчение приговора. И предложило оно проверить эту сделку как раз Флинну. А чтобы тот был поговорчивее, пообещали надолго засадить в тюрьму его жену: у них, мол, много чего на нее есть... Эдди в прошлом не раз нарушал закон. Но только не как адвокат...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Лисочкин Артём,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101261-8

Вторник, 17 марта
19:58

Я думал, все уже мертвы.

Но я ошибался.

Офисы адвокатской конторы «Харланд и Синтон» занимают в Лайтнер-билдинг сразу несколько этажей. Фирма, одна из крупнейших в Нью-Йорке, оказывает юридические услуги круглые сутки, так что свет здесь обычно горит и днем, и ночью, но пару минут назад — может, чуть больше — захватчики вырубili электричество. Спину ломило, во рту ощущался привкус крови вперемешку с горелой кислотинной от стреляных гильз, разлетевшихся по необъятному ковру. Яркая луна освещала призрачные струйки дыма, которые, казалось, по-прежнему поднимались с пола — но тут же исчезали, стоило перевести на них взгляд. В левое ухо словно попала вода, но я понимал, что просто оглох от стрельбы. В правой руке у меня был чей-то табельный «Глок 19» с пустым магазином — последняя пуля из него упокоилась в мертвецe у меня под ногами. Тот валялся, закинув ноги на живот еще одного трупа, и на миг мне показалось, будто раскиданные по огромному конференц-залу тела до сих пор силятся дотянуться друг до друга. Я не смотрел на каждого по отдельности — просто не мог перевести взгляд на их мертвые лица.

Дыхание вырывалось короткими толчками — адреналин мощными клещами перехватил грудь. Ветерок из

разбитого окна у меня за спиной начинал понемногу высушивать пот у меня на затылке.

Когда цифровые часы на стене переключились ровно на 20:00, я заметил своего убийцу.

Я не видел ни его лица, ни даже тела — это была всего лишь смутная тень, притаившаяся в темном углу конференц-зала. Зеленые, белые и золотистые вспышки погромающего над Таймс-сквер фейерверка, которые причудливыми отсветами перебегали по полу и стенам, на миг выхватили из темноты крошечный пистолет — рука, в которой он был зажат, казалась лишенной тела. Ствол я опознал сразу — «Ругер эл-си-пи». И хотя лица мне не было видно, пистолет и сам по себе о многом мне поведал. Шестизарядный, девятимиллиметровый. Достаточно компактный, чтобы почти полностью уместиться в ладони, весит не больше хорошего стейка. Штука достаточно эффективная, хотя по останавливающему действию до серьезных волын ей далеко. Единственный резон держать при себе такую машинку — это чтобы никто не догадался, что она у вас вообще есть. Эта кроха частенько используется оперативниками правоохранительных органов в качестве дополнительного оружия скрытого ношения — легко умещается даже в самой маленькой сумочке или просто в кармане сшитого по мерке костюма, причем пиджак так и останется сидеть как влитой.

В голове промелькнули три возможных варианта.

Желающих пристрелить меня могло быть как минимум трое.

И ни одного из них уж точно не убедишь бросить ствол.

В свете двух последних дней, что я провел в суде, у всех троих имелась чертовски веская причина меня убить. Я и понятия не имел, кто именно из этой троицы таился сейчас в углу, но в тот момент это почему-то занимало меня меньше всего.

Четырнадцать лет назад я «завязал». Из профессиональных мошенников переквалифицировался в профессиональные же адвокаты. Только вот старые ухватки ме-

нять не пришлось — как оказалось, привычные навыки облапошивания публики, отточенные на улице, прекрасно работают и в зале суда. Вместо того чтобы напаривать распорядителей подпольных тотализаторов, страховые компании, букмекеров и наркodelьцов, теперь я нацелил острие своего ремесла против судей с присяжными. Впрочем, своих клиентов я никогда не напаривал. До позавчерашнего дня.

Ствол «Ругера» нацелился мне в грудь.

Похоже, что этот последний «развод» стоил мне жизни.

Я прикрыл глаза, ощущая странное спокойствие. Неужели все так вот и закончится? Неужели именно таким и станет мой последний вдох на этой земле? Было такое чувство, будто меня самого обманули. Ну да ладно — все равно набрал полные легкие дыма с металлическим привкусом, по-прежнему висящего в воздухе после перестрелки.

Выстрела я не услышал. Не увидел ни вспышки, ни того, как ствол дернулся от отдачи. Ощутил только, как пуля разрывает плоть. Этот фатальный выстрел был неизбежен с того самого момента, как я заключил эту сделку. «Ну что, допрыгался?» — промелькнуло в голове.

Хотите знать, что это была за сделка, из-за которой я словил пулю?

Началось все, как водится, с чепухи. В данном случае — с обыкновенной зубочистки и десятицентовой монетки. Было это ровно сорок восемь часов назад.

Глава 1

Воскресенье, 15 марта
За 48 часов до выстрела

Ключ скользнул в замок.

Я замер.

Что-то тут было не так.

Входная дверь четырехэтажного здания из серого песчаника, вмещавшего пять офисов, включая и мой собственный, по виду практически ничем не отличается от множества прочих на этой стороне Западной сорок шестой улицы. Окружение его представляет собой невероятную мешанину из баров, китайских лапшевен, дорогих ресторанов, бухгалтерских контор и частных медицинских консультаций, причем чем ближе к Бродвею, тем все более и более пафосных. Деревянную филленчатую дверь моего здания где-то с месяц назад покрасили синей краской. С обратной стороны у нее здоровенная стальная пластина, так что тех, кому вздумается попросту выбить филленку ногой и открыть дверь изнутри, ждет небольшой сюрприз.

Такого вот плана у меня райончик.

Когда дело доходит до замков, то тут я не спец. Отмычек с собой не ношу — никогда ими не пользовался, даже в своей прошлой преступной жизни. В отличие от большинства мазуриков, простыми обывателями Нью-Йорка я особо не интересовался. Глаз клал только на тех, кто действительно заслуживал того, чтобы ему обчистили кар-

маны. Излюбленными моими «терпилами» стали страховые компании, причем чем крупней, тем лучше — лично я считаю, что большего жулья, чем страховщики, во всем мире не сыщешь. Чтобы пощипать страховую компанию, никакого взлома не требуется — надо просто сделать так, чтобы они сами тебя пригласили. Впрочем, работать тут надо не только одним языком — частенько приходится и руками, и с годами я довел это умение практически до полного совершенства. Мой отец был в этом деле настоящий артист — успешно «бомбил» по барам и в метро. После его уроков со временем я выработал исключительную чувствительность рук, позволяющую с ходу оценить вес, фактуру и особенности движения любого предмета — то, что отец называл «умные пальцы». Вот это-то великолепно отточенное чувство и подсказало мне: гляди в оба.

Вытащил ключ из замка. Вставил его обратно. Опять вытащил. Повторил.

Тот двигался чуть тише и свободней, чем помнилось. С меньшим треском, с меньшим сопротивлением, меньшее давление приходилось прикладывать. Ключ влезал в скважину чуть ли не сам собой, словно в сметану. Я осмотрел зубчики — твердые и острые, как у любого недавно нарезанного ключа. Вокруг скважины замка — абсолютно стандартного цилиндрического — красовалось несколько царапин, но я тут же вспомнил про своего соседа с первого этажа, туристического агента; утренний кофе тот предпочитал вкушать исключительно с бурбоном. Несколько раз я слышал, как он возится у двери, силясь попасть ключом в замок, а когда мы как-то утром случайно столкнулись в вестибюле, «выхлоп» из его пасти едва не свалил меня с ног. Еще год назад я этого даже не заметил бы. Наверняка и сам был бы «на кочерге» почище этого турагента.

Ладно, с царапинами вроде разобрались, но разительные перемены в поведении ключа все равно требовали объяснения. Если домовладелец сменил личинку замка, то мой ключ уже явно не подошел бы. Ни замок, ни ключ ничем не пахли, на ощупь оба были сухие. Если б кто-то впрыснул в скважину что-нибудь вроде WD-40, я сразу это

учуял бы. Оставалось лишь одно объяснение: после того, как сегодня утром я вышел из здания, замок вскрывали отмычкой. Воскресенье в офисе — неизбежное зло, раз уж в этом самом офисе и живешь. Снимать и квартиру, и офис мне было теперь не по карману. А так пришлось только раскладушку прикупить, благо имелась еще и задняя комната.

Охранную сигнализацию домовладельцу было не потянуть. Мне тоже, хотя кое-какими мерами безопасности я все же озаботился. Дверь открывалась вовнутрь. Я толкнул ее от себя на полдюйма и сразу же увидел десятицентовую монетку, зависшую в углублении на правой стороне дверной коробки, со стороны замка — торец двери наполовину ее прикрывал, не давая выпасть на крыльцо. Отправляясь каждый вечер за продуктами к ужину, я засовывал эту монетку между косяком и дверью — в углубление, которое вырезал в ее размер перочинным ножиком. Если бы кто-то решил пробраться в здание, не ставя меня в известность, то услышал бы звук падения монетки, понял, что это «секретка», и обязательно вернул бы ее на место при уходе. Расчет был на то, что незванный гость отвлечется на звон и сверканье падающей монетки и не заметит зубочистку, зажатую аккурат в десяти дюймах над первой дверной петлей на противоположной стороне двери.

Тот, кто влез ко мне этой ночью, догадался вернуть монетку на место, но совершенно упустил из виду зубочистку, которая валялась теперь на крыльце.

Из пяти офисов в здании были заняты только еще три — упомянутым уже турагентом, чей бизнес давно дышал на ладан, финансовым консультантом, которого я так до сих пор и в глаза не видел, и каким-то мутным гипнотизером, предпочитавшим работать на выезде. В общем, обычной офисной публикой из категории «от девяти до пяти» — а в случае турагента с гипнотизером так и во все «от одиннадцати до трех». Неслыханное дело, чтобы кто-нибудь из них объявился здесь в воскресенье, а тем более стал заморачиваться возвращением монетки на место — десятицентовик они бы попросту прикарманили и благополучно о нем забыли.

Я уронил газету и наклонился, чтобы подобрать ее. Присев на корточки, решил заодно завязать шнурки. Слева вроде никого. Справа тоже.

Возясь со шнурками на втором ботинке, внимательно оглядел противоположную сторону улицы. Там тоже ничего подозрительного. Слева от меня вдоль тротуара выстроились несколько припаркованных машин. И тут вроде все чисто — вряд ли какая-нибудь из этих старых иномарок с затянутыми росой лобовыми стеклами может использоваться для скрытого наблюдения. На противоположной стороне улицы справа от меня в таверну «Песочные часы» заходила под ручку какая-то парочка — не иначе, очередные театралы, решили малость подзаправиться перед спектаклем. В это заведение в основном только такая публика и ходит. После переезда сюда в этой таверне я побывал уже дважды — наслаждался равиоли с лобстером и счастливо избежал знакомства с дешевым и сердитым спецпредложением в виде кружки пива с «прицепом». Этот набор тут именуется «Загадка», поскольку банку пива в придачу к стопочке вы получаете в бумажном пакете, а марку упрятанного в него пенного напитка меняют с каждым переверотом больших песочных часов, висящих на стене за стойкой. Воздержание от алкоголя по-прежнему требовало от меня определенных усилий.

Закрыв дверь, подобрал с крыльца газеты, поднял повыше воротник, прикрываясь от надоевшего уже зимнего холодка, и зашагал прочь. Еще будучи «деловым», врагов я заимел выше крыши, и даже в своей новой карьере адвоката тоже ухитрился кое-кому перейти дорогу. В общем, расслабляться сейчас не стоило. В итоге дал кругая аж на три квартала, применяя все известные методы борьбы со слежкой — сворачивал в первые попавшиеся переулки; переходил на легкий бег перед тем, как свернуть за угол, и резко сбавлял шаг, оказавшись за углом; поглядывал, как в зеркала, в стекла автомобилей и плексигласовые рекламные щиты на автобусных остановках; внезапно останавливался, быстро оборачивался, а потом опять шел дальше. Вскоре почувствовал себя дурак дураком. «Хво-

ста» не было. Я решил, что либо гипнотизеру посчастливилось затащить клиента к себе в офис, либо объявился наконец-то загадочный финансовый консультант, чтобы вытащить корреспонденцию из своего переполненного почтового ящика — ну или же изрезать все свои документы в лапшу в измельчителе для бумаг, не в курсе я его раскладов.

Но когда впереди вновь открылось знакомое здание, таким уж дураком и перестраховщиком я себя больше не ощущал. Мой кабинет располагался на третьем этаже. Два нижних этажа были погружены во тьму.

А вот в моем окне что-то проблескивало, и отнюдь не настольная лампа. Луч света был узенький, приглушенный и вдобавок перемещался, отклоняясь в разные стороны.

Фонарик!

По коже пробежали мурашки, из груди вырвался длинный выдох, окутавший лицо холодным паром. В голове промелькнуло, что нормальный человек в такой ситуации сразу вызвал бы полицию. Но я воспитан несколько иначе. Когда зарабатываешь на жизнь, облапошивая ближних, копы вписываются в твой мыслительный процесс только строго определенным образом. С такими делами я всегда управлялся сам — вот и сейчас должен сам выяснить, кто это там шарит у меня в кабинете. В багажнике моего «Мустанга» лежала увесистая монтировка, но не было смысла тащиться на стоянку, чтобы забрать ее оттуда. Да и по улице переться с «монтажкой» как-то не с руки. Пистолета у меня не было — не люблю я стволы, — но все-таки существовали и другие средства самообороны, против которых никаких возражений у меня не имелось.

Я тихонько открыл дверь, подхватив монетку перед тем, как та успела упасть на каменные плитки, снял в вестибюле ботинки, чтобы не наделать шума, и осторожно двинулся к колонне почтовых ящиков, что возвышалась у противоположной стены.

В ящике с надписью «Эдди Флинн, адвокат» было все, что мне в данный момент требовалось.

Глава 2

Сняв со связки самый маленький ключик, я положил остальные на верхний ящик и отпер собственноручно повешенный на дверцу новенький висячий замочек. Под горой пухлых коричневых конвертов и всяких рекламных листовок обнаружилась пара увесистых кастетов. Еще подростком я всерьез занимался боксом — секция была прямо при церкви. Как, впрочем, и множество других ребяташек из бедных католических семей в Нью-Йорке. Считалось, что это дисциплинирует и прививает стойкость и мужество — но в моем случае отец настоял на таких занятиях совсем по другой причине. Подал это так, что если я смогу отлупить парня вдвое себя здоровее, то он не будет так волноваться за мою судьбу — буде меня, как начинающего мазурика, вдруг раскусят и попробуют проучить. Все, что мне оставалось, — это тренироваться до седьмого пота в спортзале, овладевать воровскими премудростями и изо всех сил стараться, чтобы мать ничего про эти занятия не прознала.

В вестибюле было темно и тихо — лишь от труб отопления иногда доносилось какое-то потустороннее мычание. Лестница была старая и жутко скрипела. Прикинув, как лучше поступить, я пришел к заключению, что от нее будет все-таки меньше шума, чем от древнего лифта. Старался ступать полегче, держась поближе к стене, выложенной кафельной плиткой. Это позволяло по мере продвижения лучше контролировать лестничные площадки и избегать особо громких скрипов, которыми тут же раздражались старые ступеньки, стоило поставить ногу ровно посередине. Кастеты приятно охладили руки. В их ледящем прикосновении было что-то успокаивающее. Приблизившись к верху третьего лестничного пролета, я расслышал голоса — совсем тихие, приглушенные.

Дверь в мой кабинет была настежь распахнута. Прямо в ней спиной к площадке стоял какой-то человек. Он прикрывал собой еще как минимум одного — тот склонился с фонариком над выдвинутым верхним ящиком

моего канцелярского шкафчика. У того, что стоял ко мне спиной, в ухе торчал наушник-горошина. Мне был хорошо виден полупрозрачный проводок, змеящийся из уха и теряющийся где-то в глубине его черной кожаной куртки. На нем были джинсы и высокие башмаки на толстой подошве. Какая-то правоохранительная структура, но явно не копы. В полиции Нью-Йорка такие наушники в стандартное оснащение сотрудников не входят, а желающих выбросить сотню своих кровных только ради того, чтобы выглядеть крутым спецагентом и мастером силовых операций, обычно не находится. У федералов бюджета и не на одни только гарнитуры хватает, но федералы, во-первых, выставили бы человека в вестибюле, а во-вторых, не стали бы морочиться с монеткой, возвращая ее на место в дверной косяк. «Если это не федералы и не полиция, то кто же тогда?» — подумал я. То, что у них имелись переговорные устройства, меня здорово обеспокоило. Выходит, организованные. Это тебе не пара громил, которые залезли в первое попавшееся место в надежде по-быстрому срубить бабла.

Последние ступеньки я преодолел практически ползком, стараясь не отрывать живот от лестницы. Слышал, как кто-то перешептывается, но по-прежнему ничего не разобрал. Тот, что светил фонариком в ящик, ничего не говорил. Получается, что в кабинете были и еще люди, которых я не видел, — они-то и обсуждали что-то на пониженных тонах. По мере моего продвижения голоса становились отчетливей.

— Так пока и ничего? — спросил кто-то.

Тот, кто обыскивал ящик шкафа, задвинул его и выдвинул следующий.

— Касательно объекта — ничего существенного, — отозвался он, после чего вытащил очередной скоросшиватель, раскрыл и принялся читать в свете фонарика.

Объекта?!

При этом слове по жилам у меня волной прокатился кипящий адреналин. Мускулы шеи сжались, дыхание участилось.

Так, меня они еще не видели.

По уму, у меня было сейчас только два нормальных варианта: потихоньку выскользнуть отсюда, добраться до машины, мчаться со всей дури всю ночь и вызвать коп с территории соседнего штата. Вариант номер два — свалить (и насрать на машину!), прыгнуть в первое же встречное такси и дать водиле адрес квартиры судьи Гарри Форда в Верхнем Ист-Сайде. Сообщить обо всем полиции, сидя на диване старины Гарри, будет столь же безопасно, как и из-за границы штата.

Оба варианта реально осуществимы, оба разумны, оба сопряжены с минимальным риском.

Но оба не мои.

Я беззвучно поднялся, покрутил головой, прикрыл правым кулаком подбородок и тараном метнулся к двери.

Глава 3

Человек, стоявший в дверях, начал было поворачиваться, как только я сорвался с места. Услышав у себя за спиной мой тяжелый топот, он поначалу вздрогнул. Потом, увидев меня, разинул рот, выпучил глаза и со свистом втянул в себя воздух — при всей его спецподготовке инстинкты выживания взяли свое. В таких случаях сначала шок, а уже потом реакция. Даже прежде чем мужик успел окликнуть остальных, я успел заметить, что панику он быстро переборол — правая рука его неловко потянулась к пистолету, подвешенному сбоку на поясе.

Но он опоздал.

Убивать его я не хотел. Кто-то некогда сказал мне, что для начала это просто непрофессионально — убивать людей, не разобравшись, кто они и откуда. В обычной ситуации, если б я достал его в физиономию или просто в голову, шансы на то, что удар окажется смертельным, составляли бы примерно пятьдесят на пятьдесят — либо от самого по себе попадания массивного кастета, вызвавшего обширное кровоизлияние в мозг, либо бедолага сам разбил бы себе череп, свалившись в отключке на каменный пол. То, что